

Никитин Александр Александрович

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный
педагогический университет им. И.Н. Ульянова»

г. Ульяновск, Ульяновская область

**КРАЖА В СТРУКТУРЕ УГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛАХ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Аннотация: на основе анализа опубликованных и неопубликованных источников автором построена динамика совершения краж в Симбирской губернии, которая имела фазы роста и спада. Определено, что тайное хищение имущества преобладало среди общего массива преступлений против собственности частных лиц. Показаны характерные особенности совершения противоправных деяний и раскрыты признаки профессиональной и организованной преступности в сфере совершения краж.

Ключевые слова: кража, преступление, профессиональный преступник, собственность частных лиц, хищение.

Кража как тайное хищение чужого имущества существовала издревле и являлась самым распространенным имущественным преступлением. Она относится к числу противоправных деяний, борьба с которыми имеет длительную историю в отечественном государстве. Правовые нормы о преступлениях против собственности наряду с другими составляли основу уголовного законодательства на протяжении всего развития института государства.

Проведенный анализ статистических сведений из опубликованных и неопубликованных источников подтвердил озвученное положение о том, что противоправные деяния против имущества частных лиц являлись наиболее распространенными на территории Симбирской губернии в исследуемый период. Количественные показатели табл. 1 свидетельствуют о том, что на протяжении последней трети XIX – начала XX века данные преступления составляли около половины всех противоправных деяний. Причинами подобного положения сле-

дует считать социально-экономические факторы, которые проявились после отмены крепостного права, эмансипации и складывание новых рыночных отношений. Все это способствовало определенной дифференциации населения и увеличению социальной напряженности. Стоит упомянуть достаточно распространенное виктимное поведение малообразованного населения губернии, приводившее к росту преступности.

Таблица 1

Количество совершенных преступлений против собственности частных лиц в Симбирской губернии в последней трети XIX – начале XX в. [1–3]

Показатель	1870 г.	1887 г.	1897 г.	1905 г.	1915 г.
Количество преступлений	949	861	779	971	1219
Доля от общего числа преступлений, %	49,2	49,3	47,8	50,0	53,8

Из общего массива преступлений против собственности частных лиц выделяются кражи, на них в отчетной статистике приходилось наибольшее число совершенных противоправных деяний. Данный род преступлений представлял опасность не только своей широкой распространенностью, но и, прежде всего, взаимосвязанностью с другими более тяжкими преступными деяниями, среди которых следует выделить причинение тяжкого вреда здоровью, убийство и т. п. Анализ показателей рис. 1. свидетельствует о том, что динамика совершения тайных хищений имела определенные тенденции. В частности, в период с 1870 г. по 1897 г. происходило снижение числовых значений, а в начале XX в. наблюдался рост. Уменьшение количества краж в 1897 г. составляло 52% по отношению к уровню 1870 г., однако в дальнейшем наблюдалось увеличение на 130% в 1915 г., то есть более чем в 2 раза от точки минимального значения 1897 г.

Сопоставление статистических показателей, отраженных в табл. 1. и рис. 1, позволяет нам выделить долю краж в структуре преступлений против собственности частных лиц. В 1870 г. доля краж составляла 86,8%, 1887 г. – 47,4%, 1897 г. – 50,5%, 1905 г. – 54,7%, 1915 г. – 74,5%.

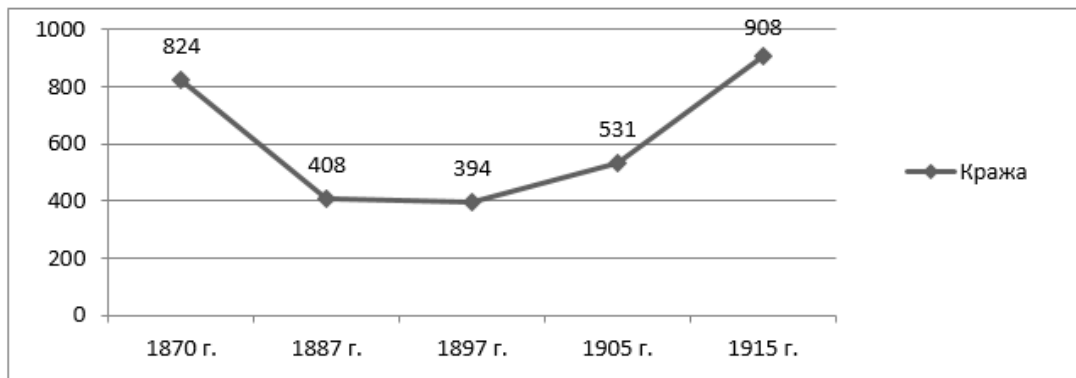

Рис. 1. Динамика краж на территории Симбирской губернии в последней трети XIX – начале XX в. [1; 3; 4]

Знакомство с материалами правонарушений позволяет нам сделать вывод о том, что кражи, особенно совершаемые в сельской местности, имели характерные особенности. В частности, нами было выделено две. Первая – это время суток совершения противоправных деяний, в большинстве проанализированных случаев они совершались ночью. Вторая – кражи происходили посредством взлома дверных петель амбаров, проб и разбором досок потолочин. Чаще всего предметом хищения являлись запасы продовольствия, зерна злаковых культур, лен и домашняя скотина [6, л. 70]. Реже фигурирует информация о совершении краж денежных сумм [6, л. 16], продуктов пчеловодства, прежде всего, меда [6, л. 65], тканей и крестьянской одежды [6, л. 17], достаточно редкими случаями тайного хищения выступали снасти для рыбной ловли [6, л. 94] или лодки [6, л. 19]. Сведений о кражах с взломом в документах полицейских управлений сохранилось предостаточно: «В Симбирском уезде с. Богородской Репьёвке в ночь на 25 декабря 1884 г. из ветряной мельницы крестьянина Ульяна Голова через взлом замка украдено разной муки на 16 руб. 30 коп.» [11, л. 32]. В другом случае, зафиксированном в сентябре 1884 г. Шигонское правление сообщало, что у местной крестьянки Марьи Балашовой в результате взлома двери и крыши выкрадено имущество из амбара: «нестряди домотканой 14 кусков 164 аршина на сумму 21 руб. 32 коп., холста льняного 20 аршин на 2 руб. 60 коп., пасленного 42 аршина на 3 руб. 78 коп., сарафана льняного на 2 руб., три рубахи на 2 руб. 20 коп.» [9, л. 217].

В чем же заключались причины, которые толкали людей на совершение преступлений? По нашему мнению, в подавляющем большинстве случаев – это невозможность удовлетворить витальные потребности индивида в пище, одежде и т. д. В некоторых случаях тяжелое экономическое положение крестьянства и других непривилегированных социальных групп фактически вынуждали их совершать преступные деяния в борьбе за свое существование. Е.Н. Тарновский справедливо подметил, что в неурожайные годы и в последующие после них значительно возрастало количество преступных деяний против собственности [13, с. 73]. Б.Н. Миронов отмечал, что кроме бедности, желание и стремление увеличить материальное благосостояние любыми способами, в том числе и криминальными, достаточно часто являлось мотивом совершения преступлений [12, с. 95].

Периодические хищения злоумышленниками приводили к росту профессионализма преступников, и в ряде случаев кражи выступали достаточным источником материального дохода, подобное положение дел приводило к возникновению профессиональных преступных групп и развитию в дальнейшем организованной преступности.

Одно из уголовных дел Симбирского окружного суда раскрывает деятельность группы профессиональных преступников, которые занимались кражами на территории городов Среднего Поволжья. В конечном итоге они были арестованы в Симбирской губернии. Преступники в течение двух лет (1897–1898 гг.) организовывали хищения дорогостоящих вещей из магазинов. К примеру, ущерб, нанесенный торговцу Илье Семенову, составил около 10 000 руб., из его магазина 12 октября 1897 г. были похищены различные золотые и серебряные предметы [5, л. 298 об].

Сведения о некоторых совершенных преступлениях дают нам основания предполагать, что профессиональная преступность существовала в пределах сельской местности. Так, проживавший в с. Назайкино Сенгилеевского уезда отставной солдат Т. Тюрин 10 февраля 1875 г. «украл на базаре города Сенгилея у разных торговцев мяса 26 фунтов, тюленей обивки для обшивки полу-

шубков 30 аршин и 2 чугуна всего на сумму 4 руб. 10 коп.» [6, л. 105]. В другом случае, представитель крестьянского сословия с. Беликово Карсунского уезда О. Смирнов 14 февраля 1875 г., «бывши в с. Поповка на базаре, вынул из кармана крестьянина деревни Скрипиной Кузьмы Филипова мешочек с деньгами» [6, л. 111]. Неопровержимые факты совершения одним человеком неоднократных краж и свидетельство специализации (вора-карманника) могут говорить нам о наличии признаков профессиональной преступности.

Черты организованной преступности на территории Симбирской губернии проявились в деяниях, связанных с конокрадством. На основании рапортов уездных исправников мы можем прийти к выводу о том, что в подавляющем большинстве уездов губернии существовали населенные пункты, в которых некоторые лица занимались подобным преступным промыслом. Сотрудники полицейских органов отмечали знакомство и тесные связи конокрадов соседних уездов, что позволяло им организовывать перегон лошадей с целью сбыта в дальние уезды и соседние регионы в кратчайшие сроки [7, л. 2–83]. Наличие каких-либо строений, замков не могло обезопасить население региона от конокрадства, кражи совершались на территории личных подворий [6, л. 193], постоянных дворов [8, л. 1] и подножного корма [10, л. 1]. Количество похищенных лошадей в одном населенном пункте порой исчислялось десятками. К примеру, из крестьянских хозяйств с. Новодевичье Сенгилеевского уезда в 1870 г. было украдено неизвестными лицами 25 лошадей [6, л. 1].

Тайное хищение частного имущества в достаточно редких случаях могло сопровождаться и его физическим уничтожением. Так, в с. Верхних Коках Сенгилеевского уезда 7 мая 1866 г. крестьянин И. Евдокимов на пасеке в лесной даче, расположенной в 5-ти верстах от населенного пункта, обнаружил 30 ульев с «выломанным медом» и 3 разбитых улья, где «пчелы померли». Общий ущерб исчислялся до 115 руб. [9, л. 103].

Таким образом, кражи являлись наиболее распространенными преступлениями против имущества частных лиц на территории Симбирской губернии в последней трети XIX – начале XX в. Предметом тайных хищений являлось различ-

ное движимое имущество. В сфере совершения краж в регионе стали проявляться характерные признаки профессиональной и организованной преступности.

Список литературы

1. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 267. Л. 3 об. – 6; Ф. 108. Оп. 28. Д. 21. Л. 5 об. – 10; Ф. 454. Оп. 1. Д. 6. Л. 38 об. – 48.

2. Симбирская летопись – справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1869 г. – С. 33.

3. Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. — С. 176.

4. ГАУО. Ф. 76. Оп. 47. Д. 43. Л. 55.

5. ГАУО. Ф. 1. Оп. 81. Д. 44.

6. ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 57.

7. ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 372.

8. ГАУО. Ф. 244. Оп. 1. Д. 3.

9. ГАУО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 65.

10. ГАУО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 218.

11. ГАУО. Ф. 675. Оп. 1. Д. 14.

12. Миронов Б.Н. Социальная история Российской империи (XVIII – начало XX в.) / Б.Н. Миронов. – В 2 т. Т. 2. – СПб., 2001. – 582 с.

13. Тарновский Е.Н. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступности против собственности в России / Е.Н. Тарновский // Журнал Министерства юстиции. – 1898. – №8. – С. 73–107.